

ФИЛОСОФИЯ · PHILOSOPHY

Вестник МИРБИС. 2022. № 1 (29): С. 202–211.
Vestnik MIRBIS. 2022; 1 (29): 202–211.

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.25634/MIRBIS.2022.1.25

Экзистенциальные причины кризиса современного здоровьесбережения

Владимир Владимирович Варава¹, Андрей Викторович Исаев²

1 Московский государственный институт культуры, Москва, Россия. vladimir_varava@list.ru

2 Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия. isaevandrew@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются причины современного кризисного состояния здоровья населения. Подвергаются разбору широко распространенные позиции, согласно которым ухудшение здоровья связано с утратой имманентной ценности жизни и снижением мотивации вести здоровый образ жизни. В статье обосновывается, что причины кризиса носят экзистенциальный характер, поскольку современный человек стремится избавиться от своего традиционного антропологического образа, и соответственно, от естественных норм здоровья. Показателем этого являются современные утопические иммортологические проекты, направленные на увеличение продолжительности жизни вплоть до физического бессмертия, которые предполагают кардинальную трансформацию наличного бытия человека в постчеловеческое состояние. В этом контексте подвергается критике биоцентризм этики благоговения перед жизнью А. Швейцера и те программы здоровьесбережения, которые основываются на ней.

Ключевые слова: здоровье населения, экзистенциальный кризис, жизнь, смерть, ценность, антропология, иммортология, биотехнологии, постгуманизм, нарциссизм.

Для цитирования: Варава В. В. Экзистенциальные причины кризиса современного здоровьесбережения / В. В. Варава, А. В. Исаев. DOI 10.25634/MIRBIS.2022.1.25 // Вестник МИРБИС. 2022;14(29): 202–211.

Original article

Existential Causes of the Crisis of Modern health saving

Vladimir V. Varava³, Andrey V. Isaev⁴

3 Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia. vladimir_varava@list.ru

4 Voronezh State University, Voronezh, Russia. isaevandrew@mail.ru

Abstract. The article analyzes the causes of the current crisis state of public health. Widespread positions are analyzed, according to which the deterioration of health is associated with the loss of the immanent value of life and a decrease in motivation to lead a healthy lifestyle. The article substantiates that the causes of the crisis are existential in nature, since modern man seeks to get rid of his traditional anthropological image, and, accordingly, from the natural norms of health. An indicator of this is modern utopian immortological projects aimed at increasing life expectancy up to physical immortality, which involve a radical transformation of a person's existing nature into a posthuman state. In this context, the biocentrism of the ethics of reverence for life by A. Schweitzer, and those health saving programs that are based on it, are criticized.

Key words: public health, existential crisis, life, death, value, anthropology, immortality, biotechnologies, posthumanism, narcissism.

For citation: Varava V. V. Existential Causes of the Crisis of Modern health saving. By V. V. Varava, A. V. Isaev. DOI 10.25634/MIRBIS.2022.1.25. Vestnik MIRBIS. 2022; 1(29): 202–211 (in Russ.).

Вступление

Многие исследователи социокультурной реальности в различных аспектах и проявлениях оценивают современное состояние здоровья населения в России довольно критически. Ав-

торы, как правило, констатируют расхождение между мерами, которые предпринимаются государственной политикой, направленной на поддержку здоровья и реальным положением дел. Ухудшение состояния здоровья в оценках исследователей приобрело стабильный характер за последнее десятилетие: «Отечественное здраво-

охранение не только получает все увеличивающееся финансирование, но и непрерывно реформируется, а текущее состояние здоровья населения — все хуже и хуже» [Журавлева 2013, 165]; «В современном мире уровень здоровья становится главной личностной и общественной ценностью. Однако, в последние годы выявлено значительное ухудшение показателей здоровья населения, в том числе и студенческой молодежи» [Кирилов, 2019 115]; «В вуз поступают студенты с уже ослабленным здоровьем» [Акоев 2021, 12].

Складывается довольно парадоксальная ситуация: с одной стороны, большинство граждан признают высокую ценность здоровья, положительно относятся к идее здорового образа жизни (ЗОЖ), но мотивационную структуру поведения эти идеи не образуют. С аксиологической точки зрения здоровье находится на вершине иерархии социальных ценностей («ценность «здоровья» входит в тройку ведущих ценностей») [Немова 2016, 49], в общественном сознании существует своеобразный культ здорового тела, но в повседневной жизни большинства доминируют иные установки, в которых преобладающим является «скептическое отношение к здоровому образу жизни» [Акоев 2021, 12].

В чем же причина этого скепсиса по отношению к состоянию своего здоровья и желанию вести здоровый образ жизни?

Мы считаем, что рационалистические трактовки, связывающие это скептическое, а часто и деструктивное отношение к жизни и здоровью с утратой имманентной ценности жизни в данном случае не работают. Человек искренне разделяет значимость здорового образа жизни, но почему-то нигилистический образ оказывается предпочтительнее. Совсем, как говорил Овидий: «Вижу лучшее — выбираю худшее». Ответ на это вопрос с позиций здравого смысла не представляется возможным, поскольку ценности, мотивы и действия как правило оказываются не связанными целерациональным полаганием, между ними нет жестких причинно-следственных связей, и часто человек оказывается в ситуации непонимания своих желаний. Русский философ Л. П. Карсавин очень точно сказал по этому поводу: «Тварь не знает, чего хочет». Истинные мотивы желаний, как ни странно, скрыты от человека, по крайней мере, от того уровня, в котором преобладают утилитарные ценности. А забота о своем

здоровье несомненно утилитарная ценность.

Находясь в поисках причин такого состояния исследователи, как правило, указывают на следующие факторы: теоретически слабо развитая нормативная база ЗОЖ; отсутствие системы превентивных мер здоровьесбережения на государственном уровне; низкий уровень осознания индивидуальной ответственности за состояние своего здоровья; недостаточная разработанность педагогических программ, пропагандирующих ЗОЖ; слабый уровень массовой информированности о преимуществах ЗОЖ, а также проблемы внутри управленческого аппарата в сфере здравоохранения [Бондин 2018]. Но главная причина, как правило, видится в утрате имманентной ценности жизни, которая влечет за собой индифферентное отношение к здоровью. Эти выводы безусловно обоснованы, однако, как показывает практика, недостаточны.

Авторы полагают, что одна из главных причин кризисного состояния здоровья населения — это утрата ценности человеческой жизни в ее антропологической данности, что, соответственно, вызывает стойкое неприятие норм естественного (природного) здоровья и желания либо его «улучшить» искусственным путем (биохакинг), либо намеренное желание вести образ жизни, приводящей к потере здоровья и самой жизни. Здесь важным является различие между биологической и антропологической данностью. Если первая уводит исключительно в естественные, физиологические пласты антропологии, в которых царят инстинкты, прежде всего удовольствия, страха и безопасности, то вторая выводит антропологию на этико-метафизический горизонт, который и отвечает подлинному образу человека. Здесь уже не физиологические инстинкты, а экзистенциальные проявления.

Иными словами, кризис здоровьесбережения имеет экзистенциальные причины, поскольку сам феномен здоровья не ограничивается социально-биологическими параметрами, но уходит в непроявленные глубины антропологии, в которой часто имеют место иррациональные ценности и мотивы. Анализ этих экзистенциальных проявлений представляется наиболее продуктивным в сложившейся ситуации.

Иммортологические проекты и экзистенциальная исчерпанность

Кризисные явления, происходящие в духов-

ной культуре общества, заставляют идти глубже исследования социальных процессов и искать их причины в пластах, которые не так часто попадают в поле исследовательского внимания. Анализ современных подходов к решению проблем кризиса здоровьесбережения, а также ценностной ситуации в современной врачебной среде, приводит к выводу, что проблема возникает не потому, что сегодня обесценена жизнь, и, соответственно, здоровье, а потому что обесценено естественное здоровье человека.

Данная проблема — это не столько психологический кризис мотивации в сохранении и улучшении здоровья, сколько симптом глобального антропологического кризиса современности [Современный антропологический кризис... 2021]. В этом контексте необходимо весьма критично подходить к таким широко распространенным установкам современных исследователей, как, например, следующая: «Для повышения уровня здоровья молодежи необходимо запустить «обратный» механизм смены ценностных ориентаций личности студентов на сохранение своего здоровья и ведение ЗОЖ» [Кирилов 2019, 115]. Предлагаемое здесь воспитание с целью повышения ценности жизни и «запуск» аксиологического механизма явно недостаточно для работы с экзистенциальными измерениями, с которыми, как мы считаем, и связаны наиболее существенные причины того, почему кризис состояния здоровья приобретает все более и более масштабные формы, несмотря на прилагаемые огромные усилия по его преодолению.

Существует действительно устойчивое и распространение мнение среди исследователей, что причиной ухудшения здоровьесберегающего поведения и появления патологических форм отношения к своей телесности и здоровью происходит по причине утраты ценности жизни в ее биологическом измерении. Такова самая общая постановка вопроса. Она логична, в некоторой степени закономерна и правомерна. Однако, мы полагаем, что дело здесь в том, что утрачена не ценность жизни, а ценность быть человеком. Парадокс этой ситуации в том, что человеку сейчас как никогда хочется безграничного удовольствия и наслаждения (радикальный гедонизм), но не хочется быть человеком, поскольку наличная форма человеческого бытия не дает такой возможности.

Ранее мы обозначили данную ситуацию в терминах экзистенциальной «усталости быть человеком» [Варава 2021]. Наиболее зримые показатели этого этико-антропологического феномена, они же его симптомы — это масштабная клиническая геронтофобия, танатофобия и невероятный интерес к биотехнологиям усовершенствования жизни, имеющие целью максимальное сохранение молодости, и по возможности, вечной молодости. «Экзистенциальная усталость» проявляется в том, что быть человеком в его антропологической данности более не является однозначной и бесспорной ценностью.

С одной стороны, здесь имеет место традиционный комплекс страхов старения, умирания и смерти, с другой, интенсивные попытки «усовершенствовать» тело, максимально отдалив его от той нормы здоровья, которая составляет его наличную антропологическую конституцию. Эти попытки можно трактовать как девиантные, поскольку естественная норма физического здоровья дает человеку удовлетворенность существованием и приносит радость. Как герою повести А. Камю «Счастливая смерть», в которой автор делает такую зарисовку: «В том, как он ставил ногу на тротуар, в том, как скользким движением бедер огибал преграды, порой встречающиеся на пути, чувствовалось, что он обладает на редкость молодым и сильным телом, способным одарить своего хозяина предельной физической радостью» [Камю 2021, 11].

Ситуация сейчас радикально изменилась: человек больше не представляет ценности для самого себя и не испытывает «предельной физической радости» от естественного состояния своего организма. Существующие сегодня многообразные технологии усовершенствования медицинских практик направлены не столько на помощь в лечении болезней и возвращение человека в его здоровую, полноценную форму, сколько на стремление превзойти наличную форму биологического существования.

Сегодня распространено то, что можно назвать «нечеловеческими антропологиями». Они манифестируют себя различным образом, однако, суть едина: неприятие, вплоть до отвращения к своему человеческому виду через отвращение к своему естественному физическому телу, естественной норме здоровья, и в последнее время, к своей половой идентичности. Ценностные осно-

вания этих антропологий коренятся в экзистенциальной усталости человека быть самим собой, что ведет к созданию различных иммортологических проектов, начинающихся с попыток максимального продления жизни, вплоть до достижения физического бессмертия.

Американский ученый, популяризатор науки, борющийся с лженаукой и предрассудками современного технологизированного общества Майкл Шермер пишет, что во второй половине XX в. возникли движения, посвятившие себя задаче увеличения продолжительности человеческой жизни на сотни и тысячи лет или более того — по возможности навечно. Среди таких движений он называет крионицистов, экстропианцев, трансгуманистов, сторонников теории точки Омеги, сингулярианцев и адептов переноса сознания. Но главное, что «Все они полны решимости одолеть смерть [Шермер 2019, 175].

Это не только иммортологическая утопия, поскольку биологически смерть не устранима иначе как через трансформацию всего природно-космического строя бытия, что приравнивается к его уничтожению. Это и моральная утопия, поскольку, устраняя старость, болезни, смерть, человек лишается тех экзистенциальных возможностей, которые и делают его человеком, создающим его исключительную антропологическую уникальность, на бесконечность отличную от всех иных известных форм жизни. Но именно эта уникальность и является главным предметом неприятия нечеловеческих антропологий. Это не значит, что человек с помощью медицины не должен бороться с болезнями за максимальное возможно достижение здоровья и максимально долгое его сохранение. Это врачебный этический долг, исходящий из естественных закономерных и оправданных нужд человека. Речь о том, что в погоне за здоровеем и долголетием человек часто, не заметно для себя может впасть в абсолютную «физиологическую ересь», иначе утопию, которая приводит к обратным результатам.

Частным случаем «усталости быть человеком» является «культурный нарциссизм» — широко распространенная установка массового сознания. Этот феномен можно трактовать и психологически, как это делает известный логотерапевт А. Лэнгле, говоря, что «в нарциссизме поиски возможностей обосновать ценность бытия-самим-собой патологически деформирует-

ся» [Лэнгле 2002, 40]. Но можно и этически, что будет в нашей терминологии означать утрату духовной ценности быть человеком. И это странно, поскольку нарцисс как бы занят исключительно самолюбованием. Но это экстремальное наслаждение самим собой имеет первверсивную основу отвращения от себя, и от всего, что связано с традиционным человеческим образом. И, если говорить в терминах христианской антропологии, то с человеком как «образом и подобием Божьим».

Нарциссическая личность всячески избегает любого страдания, поскольку страдание сигнализируют об экзистенциальных пластах, которые такой личностью полностью игнорируются. Первый и самый глубокий экзистенциальный уровень — это смертность, на борьбу с которой направлен современный радикальный гедонизм. Смертность и страдание связаны друг с другом; и поэтому, устраняя одно, устраняется и другое. Но при этом устраняется и человеческое, традиционный этический горизонт которого связан с переживанием смертности и нахождения духовного смысла в страданиях.

Есть некоторые естественные причины этого состояния экзистенциальной усталости. За долгую историю существования человека его тело (социальное и индивидуальное) изнашивается в бесконечных катаклизмах, таких как болезни, эпидемии, войны, катастрофы, экономическое неравенство и прочие трудности земного существования. Очевидно, что в случае «этического коллапса» человека, который устал быть самим собой, закономерно появление «транс» и «пост» проектов о человеке. Возникновение идеологии «пост» означает отказ от существования, от существования в его традиционных антропологических, то есть этических и метафизических границах. И как следствие — появление иммортологических утопий, стремящихся не только к бессмертию, но и к фундаментальному изменению традиционного антропологического образа человека, потому что наличная антропологическая конституция не предполагает бессмертия.

При этом исследователи указывают на существенные различия между трансгуманизмом и постгуманизмом. «Постгуманизм, — пишет А. И. Криман, — представляет собой философскую концепцию, деконструирующую понятие человека, а именно предельную концентрацию

на фигуре *Anthropos*. ... трансгуманизм с его сакрализацией технологий во многом становится религией в социальном пространстве всеобщей атеизации, будто бы резервирующей место божественного для человека» [Криман 2019, 168].

Это разделение вполне правомерно; и все же оба направления являются показателями фундаментального экзистенциального кризиса, в котором и нужно искать причины ухудшения физического здоровья и не желание приводить его в естественную норму.

Ограниченность применения имманентных теорий ценности жизни в практике здоровьесбережения

Возвращаясь к проблеме состояния здоровья, необходимо отметить, что большинство современных здоровьесберегающих стратегий направлены на обоснование и раскрытие имманентной ценности жизни как главного стимула вести правильный с точки зрения здоровья образ жизни. Такова утилитарная стратегия, в основании которой лежат рациональные ценности и здравый смысл. Однако, полученные нами выводы перемещают проблематику на уровень, который научная методология принципиально не может постичь, поскольку не имеет адекватной методологии для схватывания иррациональных экзистенциально-антропологических измерений поведения человека.

Исследователи часто демонстрируют свою беспомощность, так как у них отсутствуют инструменты для работы с такими проявлениями человека. Человеческая природа в своих сущностных основах непостижима; такова антропологическая аксиома, уходящая вглубь философской аналитики человеческого бытия. По этой причине рационалистические попытки дать человеку определенные, кажущиеся благими ценности, обречены на неудачу. И не потому, что они не продуманны или недостаточно внедрены, а потому что в человеке всегда будет присутствовать иррациональный пласт, радикальным образом отвергающий все, даже самые благие попытки помощи человеку. В свете этого, требуются более адекватные инструменты работы с проблемой кризиса здоровьесбережения.

Еще раз отметим, поскольку считаем это наиболее важным во всем исследовании причин этого кризиса, что мы имеем дело не просто с утратой ценности жизни, но с утратой ценности

человеческой жизни. Следствием этой утраты становится размывание понятия «здоровье». Эта проблематика требует совсем иных решений, которые способны работать не просто на уровне мотив-поведение-действие. Ценностная мотивация индивида представляет собой более сложную конструкцию, нежели мотивацию только через осознаваемые ценности, которые, к тому же имеют утилитарный характер.

Примером мотивации через ценность здоровья является разработанная модель по формированию здоровьесберегающего поведения в студенческой среде: «Вначале студенту нужно помочь сформировать собственное мнение о значимости стиля жизни в укреплении здоровья, которое впоследствии выступит в качестве мотивации и умения обосновать правильность сложившегося мнения» [Бондин 2018, 36]. Из этой цитаты видно, что, во-первых, автор обладает уверенностью в корректности норм, которые он стремится привить студенческой молодежи; во-вторых, разрабатывает программы, которые призваны эти нормы и ценность этих норм воспитать, то есть осуществить активное их внедрение в сознание человека, воздействуя на его мышление и процессы принятия решений.

Однако, это представляется весьма спорным, о чем говорят участники *nudging debates*, рассматривая вопрос об этической обоснованности стимулирования людей к определенному поведению относительно их образа жизни [Sunstein 2015; Schmidt 2020]. В то время как отечественный исследователь призывает принуждать студентов к формированию у них определенных ценностей и стимулировать на основе этих ценностей соответствующее поведение. Несмотря на всю благость подобных намерений, данный проект представляется, очевидно, этически спорным по целому ряду причин, рассмотренных выше. Соответственно, этическая сторона вопроса в предложенном подходе к вопросу выхода из состояния кризиса здоровья, ставит под сомнение возможность практического использования этих программ.

Даже если бы причиной кризиса здоровьесбережения на уровне массовых поведенческих паттернов была действительно потеря имманентной ценности жизни и здоровья, то простая реанимация этой ценности в качестве мотива поведения представляется нам невозможной ни технически,

ни, тем более, этически. Соответственно, предлагаемый сегодня вывод о том, что самым эффективным в процессе формирования здорового стиля жизни может быть ценностно-деятельностный подход, позволяющий воспитывать у каждой личности студента убеждения в здоровом стиле жизни сообразно вышеприведенным аргументам кажется нам преждевременным и необоснованно оптимистичным.

Реальное положение дел таково, что люди с необъяснимым постоянством совершают действия, которые со стороны здравого смысла иначе как саморазрушающими назвать нельзя. Это видно из нигилистических проявлений по отношению к здоровью и в нарциссических практиках, и в биохакинг-марафонах, когда гонка за продлением жизни включает в себя такие методы, которые как раз способствуют ее сокращению. Это говорит о том, что за таким поведением стоят мотивы, которые гораздо мощнее и сильнее, чем базовые инстинкты самосохранения.

По отношению к имманентной ценности жизни, культивируемой сегодня здоровьесберегающими стратегиями, уместно такое наблюдение: «Доминирование ценности жизни в культуре если не отменяет всю совокупность этических ценностей, то придает последним ярко выраженный подчиненный (служебный) характер. Значимость других ценностей определяется отныне не их местом в иерархии, но наличной ситуацией: этично то, что приводит к удовлетворению жизненных потребностей индивида» [Трутнев 2008, 123]. Иными словами, этика становится инструментальной и утилитарной окончательно.

Исследователь отмечает, что такое интенсивное акцентирование на «ценности жизни» в качестве разрешения проблемы кризиса здоровья чревато вообще распадом иерархии ценностей: «Признание жизни в качестве доминирующей ценности предполагает постепенный отказ от «всех духовных основ» европейского общества и приводит к произволу индивидуальной воли к жизни и этической деградации общества» [там же, 119]. Здесь уместно вспомнить и Й. Хейзинга, который еще в начале прошлого столетия уловил симптомы надвигающегося кризиса человека как раз в непомерном акценте на жизнь как таковую вне этической рефлексии над ней: «Новая воля к превознесению бытия и жизни превышает знания и суждения опирается на почву этического расша-

тывания духа» [Хейзинга 1992, 310].

Не вдаваясь в раскрытие существа экзистенции, поскольку это в литературе описано достаточно полно, укажем лишь на одно, но весьма важное ее свойство, на которое указывает К. Ясперс, сопоставляя ее по контрасту с духом. Он пишет: «Дух есть желание стать целым, возможная экзистенция есть желание стать подлинным.

Дух есть насквозь понятное, то, что приходит к себе в целом, экзистенция же есть непонятное, стоящее, как экзистенция, против другой экзистенции.

В духе совершенна прозрачность сама становится истоком бытия, экзистенция же остается всегда неустранимым темным истоком во всяком духовном уяснении» [Ясперс 2013, 54–55]

И в итоге, такое определение: «Экзистенция — темная основа самобытия, потаенность, из которой я выхожу навстречу себе» [там же, 57].

Эти бинарные оппозиции духа и экзистенции — целое/подлинное, понятное/непонятное, прозрачное/темное позволяют нам понять, почему воздействие на рациональные стимулы и мотивы к здоровому стилю жизни никогда не могут увенчаться успехом. Как, впрочем, и все остальные благочестивые и благодушные, по сути, утопические призывы к добру.

Таким образом, постулирование исключительно имманентной ценности жизни в качестве мотива к здоровому образу жизни неэффективно практически и необоснованно этически, а следовательно, вряд ли может выступить в качестве идеологической основы для современной программы здоровьесбережения.

Биоцентризм этики благоговения перед жизнью

Часто сторонники возрождения ценности жизни апеллируют к этике благоговения перед жизнью А. Швейцера. Это весьма ценное учение, раскрывающее святость жизни, ее высшую значимость. Но не все в философии Швейцера применимо. Его христианские идеи, бесспорно, наиболее сильный элемент его учения, это тот базис, на который можно опираться. Однако его религиозные идеи дрейфуют в сторону пантеистического восприятия бытия, которые скорее дают почву для радикальной экологии, нежели для разрешения духовного кризиса.

Сейчас нужно сказать о тех проблемных аспектах этики благоговения перед жизнью, которые

не приемлемы в контексте нашего понимания политики здоровьесбережения. Это виталистический энтузиазм, в котором подчеркивается ценность биологической жизни на земле в целом, без выделения человеческой жизни в особый статус [Рудановская 2018, 146]. Человеческая жизнь полностью отождествляется с остальными биологическими видами жизни: «...человек ведет этичный образ жизни лишь в том случае, если жизнь растений и животных для него такая же святая, как и жизнь людская» [Швейцер 1992, 105]. То есть, говоря о ценности жизни, Швейцер говорит о ценности биологической жизни как таковой, давая основу для радикальных экологических движений, совершенно не учитывающих антропологическую специфику человеческого бытия.

Швейцеровское понимание жизни подчеркивает единство человеческой формы жизни со всеми остальными биологическими формами жизни: «Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить» [там же, 306]. Воля к жизни, в конечном счете, выступает в качестве верховного принципа, которому подчинено все остальное. Биоцентризм этики Швейцера, такая интегральная святость биологической формы жизни размывает понятие духовной ценности жизни, присущей исключительно человеку, и представляет именно в этом аспекте пантеистическое мировоззрение. Такое общее понимание ценности жизни в целом, без уточнения ее антропологической уникальности ведет к принижению статуса человека и его исключительности. Что находит широкую поддержку в современных версиях натурализма.

Мы исходим из постулата о принципиально качественном различии человеческой жизни и нечеловеческой. Тотальный натурализм совершенно не принимает в расчет этического фактора как знака уникальности человеческого бытия. Здесь как раз этично то, что нивелирует человека, онтологически приравнивая его к остальным формам жизни. В таком контексте говорить о значимости здоровья просто бессмысленно.

Полагание высшей ценностной приоритетности жизни как таковой также исключает аксиологию смерти, как это имеет место и в трансгуманистических проектах. Смерть в парадигме имманентной ценности жизни полностью исключается, в ней не видится никакого смысла и зна-

чения, кроме деструктивных. Особенно это касается «триумфа жизни» в технократизме, где ставится задача в конечном итоге победить смерть, поскольку она мешает здоровой, успешной и комфортной жизни. И эта антитанатологическая «ценность жизни», на которой зиждется по преимуществу современное мировоззрение, также является симптомом духовного и ценностного вырождения. И снова здесь важен мудрый взгляд Й. Хейзинги: «Может ли сохранять себя высоко-развитая культура без определенной ориентации на смерть?» [Хейзинга 1992, 212].

Здесь мы выходим уже на проблему духовного здоровья человека, которое заключается, прежде всего, в полноценном этическом мировоззрении, способном принять человеческую уникальность и человеческую ситуацию. Эта ситуация во многом трагична, поскольку в ней и старость, и болезнь и смерть. Но этическое мировоззрение не пытается иллюзорно-утопическими, научно-техническими способами избавиться от этих «неприятностей», мешающих комфортному существованию, и создать такое идеальное здоровье для нового человека, в котором самого человека уже не будет. Работа над возрождением подлинного этического мировоззрения представляется сейчас наиболее важной в плане действительного ослабления негативных проявлений антропологического кризиса.

Заключение

С учетом вышесказанного становится понятным, что работа по выходу из кризиса здоровьесбережения должна затрагивать не только социально-психологические уровни мотивации к здоровому образу жизни через повышение аксиологического статуса жизни, ее биологической ценности, но также проникать в антропологические пласты, в которых доминируют иррациональные мотивы и духовно поврежденная экзистенция. Без учета этого измерения все попытки улучшить состояние здоровья населения посредством грамотной реализации программ здоровьесбережения обречены на неудачу.

Начинать нужно не с реабилитации имманентной ценности биологической жизни, а с осмысления ее духовной значимости через раскрытие экзистенциальных измерений. Здесь неизбежно соприкосновение с правлениями глобального антропологического кризиса, вне которого невозможно понимание того, почему существу-

ющие программы здоровьесбережения не ратические решения. Для этого нужны философы, ботают, как не работают и не работали никакие которые «не страшатся смерти, не жаждут спасе-благодущные утопические проекты. Для этого ния, но которые ищут смыслы и живут навзрыд, нужны не просто исследователи, объективные и несмотря на усталость быть человеком» [Криман беспристрастные, выдающие правильные теоре- 2020, 71–75].

Список источников

1. Акоев 2021 — Акоев А. Р. К вопросу о формировании культуры здоровья молодежи в современном мире // Проблемы современного педагогического образования. 2021; 72-3:12–14. ISSN 2311-1305.
2. Бондин 2018 — Бондин В. И. Здоровый стиль жизни : Монография / В. И. Бондин, Э. В. Мануйленко, О. Н. Толстоко́ра. Москва : Мир науки. 2018. 100 с. ISBN 978-5-6041425-0-9.
3. Варава 2021 — Варава В. В. Danse macabre человека цифровой эпохи // Новый Мир. 2021; 3:141–153. ISSN: 0130-7673.
4. Журавлева 2013 — Журавлева И. В. Почему не улучшается здоровье россиян? // Вестник Института социологии = Bulletin of the Institute Of Sociology. 2013; 6:163–176. ISSN: 2221-1616.
5. Камю 2021 — Камю А. Счастливая смерть / перевод с французского Т. Чугуновой. Москва : АСТ, 2021. 160 с. ISBN 978-5-17-137325-2
6. Кирилов 2019 — Кирилов К. А. Формирование культуры здоровья и ценностей здорового образа жизни у студентов в процессе их обучения в вузах / К. А. Кирилов, Д. С. Приходов, Л. В. Харламова // Проблемы современного педагогического образования. 2019; 64–3:115–119. ISSN 2311-1305.
7. Криман 2019 — Криман А. И. Критика некоторых концепций трансгуманизма в контексте постгуманистической антропологии // Русская философия в России и мире : коллективная монография / под редакцией В. В. Варава. Москва : Объединенное Движение «Русская Философия», 2019. 196 с. С. 153–170. ISBN 978-5-6042-8010-2.
8. Криман 2020 — Криман А. И. Константно пластично и навечно смертно // Философия жизни и смерти в России: вчера, сегодня, завтра: коллективная монография / под редакцией В. В. Варава. Москва: Издательский Дом «Русская Философия». 2020. 128 с. С. 71–75. ISBN 978-5-6045413-3-3.
9. Лэнгле 2002 — Лэнгле А. Грандиозное одиночество. Нарциссизм как антропологическо-экзистенциальный феномен // Консультативная психология и психотерапия = Counseling psychology and psychotherapy. 2002; 2:34–58. ISSN 2075-3470.
10. Немова 2016 — Немова О. А. Социокультурные механизмы трансляции ценностей (на примере приобщения молодежи Нижнего Новгорода к здоровому образу жизни) / О. А. Немова, М. М. Кутепов, Л. И. Кутепова [и др.] // Теория и практика физической культуры. 2016; 11:48–50. ISSN 2409-4234.
11. Рудановская 2018 — Рудановская С. В. Сочувствие природе в контексте этического и экологического мышления / С. В. Рудановская, А. З. Черняк. DOI 10.24411/2071-6427-2018-10046 // Ценности и смыслы. 2018; 6:143–156. ISSN 2071-6427.
12. Современный антропологический кризис... 2021 — Современный антропологический кризис: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») 2021 / И. Н. Белоногов, DOI 10.21146/0042-8744-2021-12-123-126 ; У. И. Струговщикова, DOI 10.21146/0042-8744-2021-12-127-130 ; А. О. Захаров, DOI 10.21146/0042-8744-2021-12-131-137 // Вопросы философии. 2021; 12:123–138. ISSN 0042-8744.
13. Трунев 2008 — Трунев С. И. Жизнь как ценность: проблемы и противоречия // Философия и общество. 2008; 4:118–125. ISSN 1681-4339.
14. Хейзинга 1992 — Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. Москва : Прогресс, 1992. 464 с. ISBN: 5-01-002053-X.
15. Швейцер 1992 — Швейцер А. Благоговение перед жизнью. Москва : Прогресс, 1992. 576 с. ISBN 5-01-002083-1.
16. Шермер 2019 — Шермер М. Небеса на земле. Научный взгляд на загробную жизнь, бессмертие и утопии. Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. 396 с. ISBN: 978-5-00139-074-9.
17. Ясперс 2013 — Ясперс К. Разум и экзистенция. Москва : Канон+, 2013. 336 с. ISBN 978-5-88373-347-4.
18. Sunstein 2015 — Sunstein Cass R. The Ethics of Nudging. 32 p. Open access. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2526341> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2526341>. Posted: 22 Nov 2014.
19. Schmidt 2020 — Schmidt Andreas T. The ethics of nudging: An overview / Andreas T. Schmidt, Bart Engelen. DOI 10.1111/phc3.12658 // Philosophy Compass. 2020; 15(4): e12658.

References

1. Akoev A. R. K voprosu o formirovanii kul'tury zdorov'ya molodezhi v sovremennom mire [On the formation of youth health culture in the modern world]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2021; 72-3:12-14. ISSN 2311-1305 (in Russ.).
2. Bondin V. I. *Zdorovyy stil' zhizni* [Healthy lifestyle] By V. I. Bondin, E. V. Manuylenko, O. N. Tolstokor. Moscow : Mir nauki Publ., 2018. 100 p. ISBN 978-5-6041425-0-9 (in Russ.).
3. Varava V. V. Danse macabre cheloveka tsifrovoy epokhi [Danse macabre of a man of the digital era]. *Novyy Mir* [New World]. 2021; 3:141-153. ISSN: 0130-7673 (in Russ.).
4. Zhuravleva I. V. Pochemu ne uluchshayetsya zdorov'ye rossiyan? [Why is the health of Russians not improving?] *Bulletin of the Institute Of Sociology*. 2013; 6:163-176. ISSN 2221-1616 (in Russ.).
5. Camus A. *Schastlivaya smert'* [Happy death]. Translated from French by T. Chugunova. Moscow : AST Publ., 2021. 160 p. ISBN 978-5-17-137325-2 (in Russ.).
6. Kirilov K. A. Formirovaniye kul'tury zdorov'ya i tsennostey zdorovogo obraza zhizni u studentov v protsesse ikh obucheniya v vuzakh [Formation of culture of health and values of a healthy lifestyle among students in the process of their education in universities]. By K. A. Kirilov, D. S. Prikhodov, L. V. Kharlamova. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2019; 64-3:115-119. ISSN 2311-1305 (in Russ.).
7. Kriman A. I. Kritika nekotorykh kontseptsiy transgumanizma v kontekste postgumanisticheskoy antropologii [Criticism of some concepts of transhumanism in the context of posthumanistic anthropology]. *Russkaya filosofiya v Rossii i mire* [Russian philosophy in Russia and the world]. Edited by V. V. Varava. Moscow : Ob'yedinennoye Dvizheniye "Russkaya Filosofiya" Publ., 2019. 196 p. pp. 153-170. ISBN 978-5-6042-8010-2 (in Russ.).
8. Kriman A. I. *Konstantno plastichno i navechno smertno* [Constantly plastic and forever mortal]. *Filosofiya zhizni i smerti v Rossii: vchera, segodnya, zavtra* [Philosophy of life and death in Russia: yesterday, today, tomorrow]. Edited by V. V. Varava. Moscow : Russkaya Filosofiya Publ., 2020. 128 p. Pp. 71-75. ISBN 978-5-6045413-3-3 (in Russ.).
9. Langle A. Grandioznoye odinochestvo. Nartsissizm kak antropologicheskoye-ekzistentsial'nyy fenomen [Grandiose loneliness. Narcissism as an anthropological-existential phenomenon]. *Counseling psychology and psychotherapy*. 2002; 2:34-58. ISSN: 2075-3470 (in Russ.).
10. Nemova O. A. Sotsiokul'turnyye mekhanizmy translyatsii tsennostey (na primere priobshcheniya molodezhi Nizhnego Novgoroda k zdorovomu obrazu zhizni) [Sociocultural mechanisms of value translation (on the example of introducing the youth of Nizhny Novgorod to a healthy lifestyle)]. By O. A. Nemova, M. M. Kutepov, L. I. Kutepova [et al.]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture]. 2016; 11:48-50. ISSN 2409-4234 (in Russ.).
11. Rudanovskaya S. V. Sochuvstviye prirode v kontekste eticheskogo i ekologicheskogo myshleniya [Sympathy for nature in the context of ethical and ecological thinking]. By S. V. Rudanovskaya, A. Z. Chernyak. DOI 10.24411/2071-6427-2018-10046. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings]. 2018; 6:143-156. ISSN: 2071-6427 (in Russ.).
12. *Sovremennyy antropologicheskyy krizis: problemy i perspektivy (materialy "kruglogo stola") 2021* [The modern anthropological crisis: problems and prospects (materials of the "round table") 2021]. By I. N. Belonogov, DOI 10.21146/0042-8744-2021-12-123-126; U. I. Strugovshchikova, DOI 10.21146/0042-8744-2021-12-127-130; A. O. Zakharov, DOI 10.21146/0042-8744-2021-12-131-137. *Voprosy filosofii*. 2021; 12:123-138. ISSN 0042-8744 (in Russ.).
13. Trunev S. I. Zhizn' kak tsennost': problemy i protivorechiya [Life as a value: problems and contradictions]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2008; 4:118-125. ISSN 1681-4339 (in Russ.).
14. Huizinga J. *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow : Progress Publ., 1992. 464 p. ISBN: 5-01-002053-X (in Russ.).
15. Schweitzer A. *Blagogoveniye pered zhizn'yu* [Reverence for life]. Moscow : Progress Publ., 1992. 576 p. ISBN 5-01-002083-1 (in Russ.).
16. Shermer M. Nebesa na zemle. Nauchnyy vzglyad na zagrobnuyu zhizn', bessmertiyu i utopii [Heaven on earth. A scientific view of the afterlife, immortality and utopias]. Moscow : Alpina non-fiction Publ., 2019. 396 p. ISBN: 978-5-00139-074-9 (in Russ.).
17. Jaspers K. Razum i ekzistentsiya [Mind and Existence]. Moscow : Kanon+ Publ., 2013. 336 p. ISBN 978-5-88373-347-4 (in Russ.).

18. Sunstein Cass R. The Ethics of Nudging. 32 p. Open access. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2526341> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2526341>. Posted: 22 Nov 2014 (in Russ.).
19. Schmidt Andreas T. The ethics of nudging: An overview. By Andreas T. Schmidt, Bart Engelen. DOI 10.1111/phc3.12658. *Philosophy Compass*. 2020; 15(4):e12658 (in Russ.).

Информация об авторах:

Варава Владимир Владимирович — доктор философских наук, профессор. Московский государственный институт культуры, Библиотечная ул., 7, Химки, Московская обл. 141406, Россия. РИНЦ AuthorID: 285099; **Исаев Андрей Викторович** — кандидат медицинских наук, доцент. Воронежский государственный университет, Университетская площадь, 1, Воронеж 394018, Россия. AuthorID: 1053953.

Information about the authors:

Varava Vladimir V. – Doctor of Philosophy, Professor. Moscow State Institute of Culture, 7 Bibliotchnaya st., Khimki, Moscow region 141406, Russia. RSCI AuthorID: 285099; **Isaev Andrey V.** – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor. Voronezh State University, 1 University ploshchad', Voronezh 394018, Russia. AuthorID: 1053953.

*Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 05.03.2022.
The article was submitted 01/14/2022; approved after reviewing 01/28/2022; accepted for publication 03/05/2022.*